

11	0096	ВИКТОР ГОФМАН	"Ушедший"
----	------	---------------	-----------

"Ушедший" (Коренблит – Гофман)

От собеседника

Виктор Гофман не случайно в Антологии русской лирики первой четверти XX века представлен небольшой подборкой стихов сразу же вслед за К. Бальмонтом. В. Брюсов в своих отзывах на его поэзию часто их сравнивал и находил много общих черт, и надо сказать – обоснованно. Но помимо этого, у них было ещё одно трагическое сходство: оба пытались покончить жизнь самоубийством и В. Г. это, увы, удалось в 27 лет, к несчастью для России. Ещё одно доказательство, для меня во всяком случае, что если нет очевидных социальных потрясений в государстве, то для творческой личности Беда и так найдётся. Всё дело в восприятии окружающего мира, в тонкости нервной системы, в обострённой чувствительности. Мне пришлось приложить немало усилий для того, чтобы найти стихи В. Г. и я (надеюсь на это) смог вернуть этого поэта Вам, слушатель, в Ваше слуховое поле.

"Ушедший" - позиция многих людей, считающих то, что они всё уже испытали, извели, познали и проникли в смысл жизни. Но это, на мой взгляд, - признак глубочайшей усталости, мощнейшего кризиса, но не мудрости. Дай Бог, чтобы в это тяжёлое для любого человека время с ним был тот, кто хорошо понимает то, что это опасная «болезнь» души, иногда оканчивающаяся смертью.

Ваш Станислав Коренблит

1. В келье	- 2.00
2. В церкви	- 3.22
3. Тайная возможность	- 1.45
4. В городском саду	- 3.59
5. Был бал	- 2.07
6. Безумная болезнь	- 1.39
7. Жду	- 1.32
8. Хочешь?	- 1.40
9. Вдвоём	- 2.02
10. Больное счастье	- 1.31
11. Мне грустно	- 2.38
12. Море	- 2.08
13. Русалка	- 3.17
14. Ушедший	- 2.09
15. Листья сухие	- 2.06
16. Сын города	- 1.19
<i>Общее время звучания – 35.14</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. В КЕЛЬЕ

Упорный дождь. Пригнулись сосны,
И стонут тонкие стволы.
И меркнет мир, глухой и косный,
В захватах властвующей мглы.

Упорный дождь. Но в тихой келье
 Я - затворенный властелин.
 И мне покорствуется веселье
 Моих рассудочных глубин.

Я мир эфиров темно-синий
 И неожиданных зарниц, -
 Презрел для вычерченных линий,
 Умом означенных границ...

Я не пойду в поля и рощи,
 Пригнуться к шелестам травы,
 Пить беспредельность светлой мощи,
 Пить ликования синевы.

И темный Город, гулкий Город
 Я также вольно перевозмог,
 Где мир разорван и распорот
 Зияньем криков и тревог.

Ума упорные усилья
 И озарения минут -
 Мои восторги и воскрылья,
 Меня смущенного влекут!..

И вот, в мерцаньи тихих келий,
 Под мглой затянутых небес,
 Я - бражник, жаждущий веселий!
 Я - схимник, жаждущий чудес!

2. В ЦЕРКВИ

Во храме затуманенном мерцающая мгла,
 Откуда-то доносятся, гудят колокола.
 То чистые и звонкие, то точно властный зов,
 Удары полновесные больших колоколов.

Торжественны мерцания. Безмолвен старый храм.
 Зловеще тени длинные собрались по углам.
 Над головами темными молящихся фигур
 Покров неверных отсветов и сумрачен, и хмур.

И что-то безнадежное нависло тяжело,
 Тревожно затуманивши высокое стекло.
 И потому так мертвенен убор парчевых риз,
 И потому все люди тут угрюмо смотрят вниз.

Есть это безнадежное в безжизненных святых,
 В их нимбах желто-дымчатых, когда-то золотых.
 И в лицах умоляющих пригнувшихся людей,
 И в шляпках этих впившихся, безжалостных гвоздей...

И ты, моя желанная, стоишь здесь в уголке.
 И тоненькая свечечка дрожит в твоей руке.
 Вся выпрямившись девственно, беспомощно тонка,
 Сама ты – точно свечечка с мерцаньем огонька.

О, милая, о, чистая, скажи, зачем ты тут,
 Где слышен бедным грешникам зловещий ход минут.
 Где все кладут испуганно на грудь свою кресты,
 Почуя близость вечности и ужас пустоты.

Где свет едва мерцающий чуть дышит наверху.
 Где плачут обреченные давящему греху.
 Где прямо и доверчиво стоишь лишь ты одна,
 Но тоже побледневшая и вдумчиво-грустна.

Скажи, о чем ты молишься? О чем тебе грустить?
 Иль, может быть, почуяла таинственную нить,
 Что душу обхватила мне обхватом цепких трав,
 С твоею непорочностью мучительно связав.

О, милая, прости меня за мой невольный грех,
 За то, что стал задумчивый твой непорочный смех,
 Что вся смущаясь внемлешь ты неведомой тоске,
 Что тоненькая свечечка дрожит в твоей руке,

Что ближе стали грешники, собравшиеся тут,
 Ловящие испуганно зловещий ход минут,
 Кладущие безропотно на грудь свою кресты,
 Почуя близость вечности и ужас пустоты.

3. ТАЙНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

После первой встречи, первых жадных взоров
 Прежде невидавшихся, незнакомых глаз,
 После испытующих, лукавых разговоров
 Больше мы не виделись. То было только раз.
 Но в душе, захваченной безмерностью исканий,
 Все же затаился ласкающий намек,
 Словно там сплетается зыбь благоуханий,
 Словно распускается вкрадчивый цветок...
 Мне еще невнятно, не понятно это.
 Я еще не знаю. Поверить я боюсь.
 Что-то будет в будущем? Робкие приветы?
 Тихое ль томление? Ласковый союз?
 Или униженья? Новая тревожность?
 Или же не будет, не будет, ничего?
 Кажется, что есть во мне, есть в душе возможность,
 Тайная возможность, не знаю лишь - чего.

4. В ГОРОДСКОМ САДУ

Мы бродили долго. Мы далеко ушли.

Я дышал испуганно. Мне счастье приснилось.
 На груди зеленой загрязившей земли
 Маленькое счастье робко распустилось.
 Ты просила ветку на память оторвать.
 Ты весну любила. Весна едва возникла.
 Нехотелось двигаться, хотелось лишь дышать.
 Ты ко мне сближающе, ласково приникла.
 Натябя смотрел я не отрывая глаз.
 Забывал я город и весь полдневный опыт.
 Меж кустов темнеющих, толпившихся вокруг нас,
 Пробирался шёпот. Пробирался шёпот.
 Сторож оглянулся. Сторож проходил.
 Проходили тучки лиловой вереницей.
 Ты просила ветку, я ветку отломил.
 Месяц выдвигался, большой и круглолицый.
 Ветка вся зеленая, она была в дожде.
 Вся дождем забрызгана, липовая ветка.
 Тихо все покоилось, не двигалось нигде.
 Только ты дышала медленно и редко.
 Кто-то резко крикнул. Залился свисток.
 Где-нибудь сбежались, затолпились люди.
 Тихо озарился матовый восток
 В вечно неизменном, непонятном чуде.
 Кто-нибудь кого-нибудь теперь убил ножом.
 Он любил мучительно, мучительно и нежно.
 Любят и встречаются, чтоб убить потом.
 Это искупление. Это неизбежно.
 Кровью вся залитая, она теперь лежит.
 Грудь ее раскрытая. Разорван узкий ворот.
 В воздухе предутреннем резок стук копыт.
 Петухи запели. Пробудился город.
 Стал восток весь ласковый, как ты, моя любовь,
 Ты, которой предан я, беспомощно, безумно.
 Снилось мне сегодня разбрызганная кровь,
 И толпа сдвигалась встревоженно и шумно.
 Ты, что захватила, взяла всю жизнь мою,
 Ты, что смотришь вдумчиво, загадочно и нежно,
 Понял я сегодня, что я тебя убью.
 Это искупление. Это неизбежно.
 В эту ночь весеннюю тебя я не убил.
 В эту ночь весеннюю я снова был несмелым.
 Ветку ты просила. Я ветку отломил,
 Янтарем залитую, сверкающим и белым.
 Кто-то этой ночью смелее был, чем я,
 Кто-то, разрешивший, убивший все вопросы.
 Утро засияло. Сверкнули острия.
 Заблестели окна. Заблестели росы.

5. БЫЛ БАЛ

Был тихий вечер, вечер бала,
 Был летний бал - меж темных лип,
 Там, где река образовала
 Свой самый выпуклый изгиб.
 Где наклонившиеся ивы
 К ней тесно подступили вплоть,
 Где показалось нам, - красиво
 Так много флагов приколоть.
 Был тихий вальс, был вальс певучий,
 И много лиц, и много встреч...
 Округло-нежны были тучи,
 Как очертанья женских плеч,
 Река казалась изваяньем,
 Иль отражением небес,
 Или глухим воспоминаньем
 Его ликующих чудес.
 Был алый блеск на склонах тучи,
 Переходящий в золотой.
 Был вальс, призывный и певучий,
 Светло овейный мечтой.
 Был тихий вальс меж лип старинных,
 И много встреч, и много лиц,
 И близость чьих-то длинных, длинных,
 Красиво-загнутых ресниц...

6. БЕЗУМНАЯ БОЛЕЗНЬ

Как прежде ярко светит солнце
 Среди сквозящих облаков.
 Озарено твоё оконце
 Созвучной радугой цветов.

Скользя по облачкам перистым,
 Бежит испуганная тень,
 И на лице твоём лучистом -
 Изнемогающая лень.

Ах, я в любви своей не волен...
 Меж нами - ласковый союз.
 Но ты не знаешь, что я болен,
 Безумно болен... и таюсь.

Ты вся, как этот свет и солнце,
 Как эта ласковая тишь.
 У озаренного оконца
 Ты озаренная сидишь.

А я тревожен, я бессилён...
 Во мне и стук, и свист, и стон.
 Ты знаешь город - он так пылен?
 Я им навек поработен.

Ах, я в любви своей не волен...
 Меж нами – ласковый союз.
 Но ты не знаешь, что я болен,
 Безумно болен... и таюсь.

7. ЖДУ

Прежнее счастье возможно.
 Ты мне сказала: приду.
 Холодно мне и тревожно.
 Нетерпеливо я жду...
 Сколько же нужно усилий
 Прежнее счастье вернуть
 Мы ведь уж близкими были.
 Милая, не забудь.
 Нет, не измученный страстью,
 Напоминаю о том.
 Просто, поверилось в счастье,
 В счастье быть нам вдвоем.
 Ходят. Подходят. Проходят.
 Поздний, мучительный час.
 Долгие тени проводит
 Неумирающий газ.

8. ХОЧЕШЬ?

У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий.
 Их один только я для тебя мог придумать любя.
 Их певучей волной, то неожиданно крутой, то ползучей,
 Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливых сравнений –
 Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно, красу?
 У меня есть причудливый мир серебристых видений –
 Хочешь, к ним я тебя унесу?

Видишь, сколько любви в этом нежном, взволнованном взоре?
 Я там долго таил, как тебя я любил и люблю.
 У меня для тебя поцелуев дрожащее море, -
 Хочешь, в нем я тебя утоплю?

9. ВДВОЁМ

Лежу. Забылся. Засыпаю.
 Ты надо мной сидишь, любя.
 Я не гляжу, но вижу, знаю -
 Ты здесь, я чувствую тебя.

Я повернусь - и разговоры
 Мы, улыбаясь, поведем,
 И наши слившиеся взоры
 Блеснут ласкающим огнем.

И ты, ко мне прижавшись нежно,
 Моих волос густую прядь
 И шаловливо, и небрежно,
 И тихо будешь разбирать.

И сев ко мне, на ложе друга,
 С лучистой нежностью очей,
 Ты будешь петь мне песни юга,
 Напевы родины своей.

И утомленно-полусонный
 Следить я буду без конца
 Волненье груди округленной.
 Томленье смуглого лица.

10. БОЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

Я хочу, чтоб прошедшее было забыто.
 За собой я огни потушу.
 И о том, что погибло, о том, что изжито,
 Я тебя никогда не спрошу.

Наше счастье большое. В нем грустная сладость.
 Наше счастье надо беречь.
 Для чего же тревожить непрочную радость
 Так давно ожидаемых встреч.

Мне так больно от жизни. Но как в светлое счастье,
 Ты в себя мне поверить позволь.
 На груди твоей нежной претворить в сладострастье
 Эту тихую, тихую боль.

Пусть не будет огня. Пусть не будет так шумно.
 Дай к груди головою прилечь.
 Наше счастье большое. Наше счастье безумно.
 Наше счастье надо беречь.

11. МНЕ ГРУСТНО

Мне снова грустно. Я не заметил,
 Как в душу вкралась, как вкралась грусть.
 Я думал встретит, и я не встретил.
 Она не хочет. Так что же? Пусть.
 О ней, неверной, о ней обманной,
 О ней грустить мне в большой тоске? –
 В минуту встречи благоуханной,
 Когда дрожала рука в руке,
 Я знал, что нежность – одно с пороком,
 Что грез стыдливых не надо нам.
 И я смеялся ее упрекам,
 И я смеялся своим словам.
 Их было много, меня любивших,

Тех похотливых и теплых тел,
 Меня обвивших, меня томивших,
 В ком счастье, счастье найти хотел.
 Ах, с каждой тот же влюбленный шепот,
 Сознание власти – пьянящий бред...
 И тот же опыт, позорный опыт.
 Их было много. Их больше нет.
 На страсть я страстью не раз ответил.
 И вот я знаю все наизусть.
 Мне грустно, грустно. Я не заметил,
 Как снова в душу прокралась грусть.

12. МОРЕ

И ветер, веющий стремительно и буйно,
 И развевающий и рвущий волоса.
 И моря вольный блеск, ходящий многоструйно –
 О, беспредельная, о, мощная краса!
 То все в ней яркий блеск, зыблящийся и пирный –
 Обломки светлых льдин и горных хрусталей.
 То бархат шелестный, спокойный и сапфирный,
 То рябь червонная пылающих углей.
 То словно старцев рой с лучистой сединою,
 Услышавших в дали прибоев голоса,
 Плывет встревоженно под зыбкою волною,
 И ветер дерзко рвет седые волоса.
 То над сапфирностью безбрежной и бездонной –
 Вдруг словно рев и спины прыгающих львов.
 О как красива мощь их схватки разъяренной
 И белопенность грив и включенных голов!
 И ветер буйно рад игре своих порывов,
 И сердце пьяно, пьяно дикою мечтой.
 И море все горит сверканьем переливов
 И величавою, и вольной красотой!

13. РУСАЛКА

Всю ночь русалка билась,
 Не в силах снов превозмочь.
 А в море тихо катилась
 В золотой колеснице ночь.
 Русалка во сне кричала,
 Хватала рукой камыши.
 Но все угрюмо спало
 В застывшей и темной тиши.
 И я с высокого ложа
 Не раз ее окликал.
 Провалы глядели все строже,
 Бушевал играющий вал.
 И я вставал с испугом,
 Зажигал золотые огни.

Расплываясь светящимся кругом,
 Жутко мерцали они.
 Озарялось чудес так много,
 Что глядеть я дерзал едва.
 Шепталась глухо и строго,
 Колыхалась морская трава.
 Я стоял пред высоким ложем.
 На нем томилась она.
 Стоял, тоской тревожим.
 Кругом - была тишина.
 Я раздвинул цепкие прутья,
 Что над ней сплелись в кольцо.
 И ей припал на грудь я,
 Целовал ее лицо.
 Целовал ее бледные плечи,
 Волоса, что с травой сплелись.
 Говорил тревожные речи,
 Шептал: "проснись, проснись"...
 Ее разбудило пламя,
 Моя речь, мой встревоженный стон,
 Она закрылась руками
 И опять погрузилась в сон...
 Я лег, но в тревожной муке
 Провел всю ночь без сна.
 И слушал смутные звуки,
 Которыми ночь полна.
 Кто-то бился в подземных норах.
 Вверху ворчала волна.
 Был внятн весь смутный шорох,
 Которым ночь полна.

14. УШЕДШИЙ

Проходите, женщины, проходите мимо.
 Не маните ласками говорящих глаз.
 Чуждо мне, ушедшему, что было так любимо.
 Проходите мимо. Я не знаю вас.
 Горе всем связавшим доверчивое счастье
 С ласками обманщиц, с приветами любви!
 Полюби безстрастье, свет и самовластье.
 Только в этом счастье. Только так живи.
 Тени говорящие дрожавших и припавших,
 Тянетесь вы медленно в темнеющую даль.
 Было ль, было ль счастье в тех встречах отмелькавших?
 Может быть и было. Теперь - одна печаль.
 В дебрях беспролетных, в шелестах болотных
 Ты навек погибнешь, если любишь их.
 Уходи от этих ласковых животных,
 Ты, что должен выковать озаренный стих.
 Горе всем припавшим к соблазну и покою,

Горе полюбившим приветную тюрьму.
 Горе всем связавшим свою судьбу с чужою, -
 Не понявшим счастья всегда быть одному!

15. ЛИСТЬЯ СУХИЕ

Листья осенние желтого клена,
 Кружитесь вы надо мной.
 Где же наряд ваш, нежно-зеленый,
 Вам подаренный весной?

Брошены вы, как цветы после бала,
 Как после пира венки,
 Словно поношенный хлам карнавала,
 Изодранный весь на куски.

Вы отслужили, и вы уж ненужны,
 Презренный, растоптанный сор,
 Ваш жаркий багрянец, осенне-недужный,
 Мой только радует взор.

Прах позабытый умолкшего пира,
 Где разрушено все, разлито,
 Листья, вы образ безумного мира,
 Где не ценно, не вечно ничто.

Где все мгновенно и все – только средство
 В цепи безумий звено,
 Где и весна, и светлое детство
 Гибели обречено.

Листья, вы будите скорбь без предела
 Жаром своей желтизны,
 Вы для меня ведь - любимое тело
 Так рано умершей весны.

Как же могу я легко, как другие,
 Вас растоптавши, пройти,
 Желтые листья, листья сухие
 На запыленном пути?

16. СЫН ГОРОДА

Пойду к тому, который слышит,
 Хотя придавленный в борьбе, -
 Который также трудно дышит,
 Сын города! пойду к тебе!

Ты весь какой-то бледнолицый,
 Учувший тяжелый груз...
 Ты тоже быть мечтаешь птицей,
 И с солнцем празднуешь союз!

Но ты уж понял всю победность
Окаменелых этих стен.
И оттого в тебе и бледность,
И ненасытность перемен.

Твои усталые беседы -
Бессильно-мертвенный полет.
Но в них тревожно светят бреды
Предвосхищаемых высот.

Ты обессилен и недужен
В превозмоганиях и борьбе.
И оттого-то ты мне нужен.
Сын города! пойду к тебе!